

# Мусульмане Китая и Японская империя: ислам в контексте Второй мировой войны

---

Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 2020.  
315 страниц.

КЕЛЛИ А. ХАММОНД (KELLY A. HAMMOND)

Мусульмане в Китае привлекли внимание ученых ввиду своей принадлежности к иной религии и уникальной роли в китайских конфуцианских обществах. Ученые отмечают активное участие мусульман, таких как Ма Йизе (馬依澤), в развитии китайской астрономии со времен династии Северная Сун (906–1127). Мусульманские купцы, возглавляемые родом Пу (蒲) в прибрежном Китае, были хорошо известны своей морской торговлей во времена династии Южная Сун (1127–1279) и при монгольских династиях. При монгольском правлении (1271–1368) мусульмане служили военными, ремесленниками, архитекторами и торговыми партнерами монголов, или «ортак» (斡脫). Великие путешествия (1405–1421) при следующей династии Мин (1368–1646), возглавляемые Чжэн Хэ (鄭和) и его мусульманскими сподвижниками, обнаруживают гораздо более широкие простирающиеся за границу связи китайских мусульман-ханафитов в Южно-Китайском море и Юго-Восточной Азии, о чем свидетельствуют «Малайские хроники». Переход от Мин к Цин стал свидетелем подъема китайскоязычного ислама

и производства китайской исламской литературы («Хань Китаб», или «Китайская книга» 漢克塔布). Новые историки Цин недавно отметили, что длительное правление династии Цин (1644–1911) китайским/ханьским населением было обусловлено ее союзом с неханьскими народами, включая монголов и мусульман за пределами самого Китая. Падение династии Цин и образование Китайской Республики в начале XX в. привело к политической и культурной активности мусульман. Во время китайско-японской войны (1937–1945) мусульмане Китая были одинаково заметны в коммерческой, дипломатической и культурной сферах.

Краткое изложение роли мусульман в истории Китая помогает определить обширный китайский исторический контекст, в котором жили мусульмане, и лучше понять непреходящее значение их роли в Свободном Китае начала XX в. и оккупированном Японией «Северном Китае» (北支) (а именно Пекин, Тяньцзинь, Внутренняя Монголия, Хэбэй и Шаньси). В этой связи книга Хаммонд исследует роль мусульман Китая в конфигурации Второй мировой войны, состоящей из Китая, Японии, стран Оси и союзных держав. Она в особенности обогащает научные исследования о мусульманах в Китае республиканской эпохи, следуя за работами таких ученых, как Мацумото Масуми, Хираяма Мицумаса, Савай Мицуо, Мао Юфэн, З. Хейл Эроглу Сагер и Влодзимеж Чечура. В этих исследованиях мусульман в Китае республиканской эпохи внимание часто уделяется политическому патриотизму и культурной активности мусульман. В отличие от них, исследование Хаммонд концентрируется на часто оставляемых без внимания китайских мусульманах, живших в условиях японской оккупации, и их выживании как верующих, так и политических субъектов.

Изучая политику императорской Японии в отношении китайских мусульман, Хаммонд превосходно связывает китайских мусульман в оккупированном Японией Северном Китае, Великую восточноазиатскую сферу соцветения императорской Японии и мусульманскую политику, и практику держав Оси. В результате Хаммонд подчеркивает предполагаемую роль китайских мусульман в японском империализме, а также в антисоветских и антизападных/антикитайских идеологиях и стратегиях Японии. Согласно Хаммонд, наследие политики императорской Японии и роль китайских мусульман сохранялись во время холодной войны; и материковый Китай, и Тайвань аналогичным образом использовали китайских мусульман в своем взаимодей-

ствии с мусульманскими странами в Африке и Азии. Интересно подумать над возможным влиянием этого наследия на сегодняшние отношения Японии и Китая с мусульманскими странами. Приобретающий влияние Китай предпринимает проект китаизации в попытке изолировать мусульман Китая, в то время как Япония и ее бывшая колония Тайвань проводят дружественную мусульманам политику для улучшения культурных, политических, дипломатических и экономических отношений с мусульманскими народами всего мира.

Книга состоит из пяти глав, а также введения и заключения. В первой главе приводится краткая история японских исследований и политики в отношении китайских мусульман (Хаммонд намеренно использует термин «сино-мусульмане» для обозначения китайскоязычных мусульман) от реставрации Мэйдзи до китайско-японской войны в 1937 г., а также связь между японской политикой и исследованием сино-мусульман. Во второй главе исследуется реакция китайского националистического правительства на политику Японии по отношению к сино-мусульманам в Северном Китае и противопоставляются различные подходы в культурной политике Японии и Китая по отношению к сино-мусульманам в их соответствующих проектах по построению нации и империи. В этой главе Хаммонд исследует деятельность и способы, которыми сино-мусульмане, как верующие и политические субъекты, справлялись с вызовами китайского национализма и японского империализма.

Следующие три главы посвящены тому, как императорская Япония сосредоточила сино-мусульман в своем выходе на мусульманские регионы и страны. Третья глава описывает спонсируемый Японией хадж в Мекку для нескольких сино-мусульман из оккупированного Японией Северного Китая, чтобы способствовать укреплению авторитета Японии за рубежом. Она демонстрирует, как императорская Япония использовала сино-мусульман в качестве пропаганды в своих призывах к мусульманскому населению Юго-Восточной Азии, и показывает, как японская политика в оккупированном Китае распространилась на Великую восточноазиатскую сферу сопроцветания во время Второй мировой войны.

В четвертой главе рассматриваются планы Исламской ассоциации Великой Японии (大日本回教協會) по использованию сино-мусульман в качестве посредников для помощи в продвижении японской продукции в Южной Азии, Центральной Азии, Северной Африке и на Ближнем Востоке. В пятой главе

обсуждается сближение и расхождение императорской Японии с политикой фашистской Италии и нацистской Германии в отношении мусульман, находящихся под их господством или влиянием. Хаммонд обращает особое внимание на то, как нацисты и японцы пытались установить связь с Афганистаном через арийскую мифологию или буддийскую историю соответственно. В заключение Хаммонд утверждает, что наследие и влияние сино-мусульманской политики Японии во время войны можно найти в контактах Китая и Тайваня со странами с мусульманским большинством в период холодной войны.

Использование термина «сино-мусульмане» в книге «Мусульмане Китая и Японская империя» кажется неточным и неконтекстуализированным. «Сино-мусульмане» идентифицировали себя или были идентифицированы как хуэй со времен династии Юань (и японцы в равной степени использовали тот же термин «хуэй»). Следует отметить, что сам термин «хуэй» имеет в Китае особую историческую, географическую, правовую и этническую коннотацию, частично совпадающую, но не тождественную «исламу» или «мусульманам». Чтобы лучше понять политику императорской Японии в отношении хуэй, необходимо взглянуть на контакты императорской Японии с мусульманами хуэй и их изучение с конца XIX до начала XX в., когда императорская Япония начала вторгаться на восточноазиатский континент после первой китайско-японской войны 1894–1895 гг. и русско-японской войны 1904–1905 гг. в Маньчжурии. В течение этого периода японские исследования мусульман хуэй подразделялись на две академические категории: первая – это японская синология, изучающая традиционный конфуцианский Китай, а также конфуцианскую исламскую литературу (или «Хань Китаб») и мусульман-конфуцианцев в традиционном Китае (например, Дзицудзо Кувабара [桑原 鷲藏] «О Пу Шоу-гэне» [蒲壽庚考]). Вторая категория – это японские исследования периферии или приграничного региона Китая в рамках «Азиатской истории», спонсируемой Южно-Маньчжурской железнодорожной компанией, или Mantsu (滿鐵), с 1906 г., когда императорская Япония проникла в приграничный район Китая Маньчжурию. Направленные в сторону запада амбиции императорской Японии и экспансия от Маньчжурии до Монголии – Северного Китая – Туркестана/Синьцзяна в значительной степени способствовали изучению приграничных районов, особенно маньчжуров, монголов и турок.

Хотя японское «исламоведение» одновременно развивалось в начале XX в. и пересекалось с исследованием хуэй в рамках изучения приграничных районов, оно в значительной степени является ответом на большевистскую революцию в России и рост правого паназиятства в стремлении сотрудничать с мусульманским населением евразийского континента против Запада и большевиков. С 1920-х по 1930-е гг. японские исследования хуэй, приграничные исследования, китаистика и исламоведение начали сближаться, особенно после основания Маньчжоу-Го в 1932 г. и оккупации Северного Китая (где проживало определенное количество тюркских и хуэй мусульман) в 1937–1938 гг. В конце 1938 г. армия, флот и Министерство иностранных дел Японии разработали согласованную национальную политику в отношении «ислама», сформулировав всеобъемлющую стратегию в отношении ислама и мусульман в Китае, Центральной Азии и на Ближнем Востоке.

Прямым результатом этого шага было создание Всекитайской мусульманской лиги (中國回教總聯合會) в оккупированном Китае и Исламской ассоциации Великой Японии (大日本回教協會) для продвижения возглавляемого Японией порядка Новой Азии, а затем и Великой восточноазиатской сферы процветания. Критически изучив опыт держав Оси в Северной Африке и на Ближнем Востоке, Токио попытался построить политический, экономический и идеологический блок, независимый от западного империализма и советского социализма. В этом контексте Хаммонд связывает мусульман Китая с Японской империей и обращает внимание на «ислам» в Великой восточноазиатской сфере процветания Японии во время Второй мировой войны. Однако с японской точки зрения кажется, что сино-мусульмане воспринимались как неотъемлемая составляющая наряду с народом хань в японских имперских амбициях в Китае, как заявил премьер-министр Фумимаро Коноэ (近衛文麿) в 1938 г. (Яо Цзиньсян «Исламская политика Японии во время войны на Тихом океане»/Yao Jinxiang, “*Japan’s Islamic Policy during the Pacific War*”).

Есть несколько интересных вопросов, вытекающих из этой книги. Во-первых, насколько культурная и религиозная терминология, такая как ислам и его производные (такие как «необожженный кирпич ислама (adobe of Islam)», которая появляется в книге Хаммонд, имеет смысл в системе национальных государств начала XX в., особенно с тех пор, как панислам (не панисламитизм) угас после распада Османской империи? На

протяжении всей книги Хаммонд подчеркивает значение религиозных связей сино-мусульман и их знаний в области торговли для имперской дипломатии Японии в отношении более широкого мусульманского мира. Стоит поинтересоваться квалификацией этих сино-мусульман, которые не были ни религиозными лидерами, ни выходцами из исламских центров Китая, в исламской дипломатии императорской Японии. Кажется, что мусульмане тюркского и татарского происхождения, такие как имам Токийской мечети, были более способными и квалифицированными для выполнения миссии императорской Японии по объединению мусульман. Кроме того, «сино-мусульмане» из оккупированного Северного Китая, несомненно, специализировались на торговле мехом и мясом ввиду своего географического положения и исторических традиций. Таким образом, как Исламская ассоциация Великой Японии могла ожидать, что они будут служить посредниками для продажи японского или юго-восточного чая мусульманским странам после войны на Тихом океане?

В своем обсуждении политики держав Оси в отношении мусульманских регионов, находящихся под их господством или влиянием, Хаммонд упоминает план железной дороги Германии Берлин–Стамбул–Багдад в обход контролируемого Великобританией/Западом Суэцкого канала, но она, в частности, не упоминает стремление Японии соединить Евразию путем строительства так называемой «антикоммунистической» и «мусульманской железной дороги» из Пекина в Баотоу, Хами, Куча, Кашгар, Афганистан, Тегеран, Багдад, Стамбул и Берлин, проводившегося компанией Кахоку Коцу (華北交通) (Мацумото Масуми «Исламские и китайские периферийные исследования в императорской Японии: проблемы японского китаеведения и наследие романтизированных дискурсов Шелкового пути»/Matsumoto Masumi, *“Islamic and Chinese Peripheral Studies in Imperial Japan: A Problems of Japan's Sinology and the Legacy of Romanticized Silk Road Discourses”*). Эти планы иллюстрируют стремление нацистской Германии и императорской Японии доминировать на евразийском континенте и объясняют, почему эти державы проявили особый интерес к Афганистану, центральному району Евразии.

В заключение Хаммонд продолжает подчеркивать значение сино-мусульман для современной китайской дипломатии по отношению к мусульманским странам. Хаммонд также намекает на то, что присутствие китайских мусульман в стра-

нах с мусульманским большинством, таких как Малайзия, помогает заставить эти мусульманские страны молчать по уйгурскому вопросу. Как мы знаем сегодня, политику Малайзии по уйгурскому вопросу определяют не сино-мусульмане, а, скорее, связи малайзийских лидеров с Китаем, как демонстрирует недавняя корректировка уйгурской политики Наджиба Разака Мохаммадом Махатхиром. Несмотря на эти вопросы и незначительные проблемы, эта книга заслуживает серьезного внимания тех, кто интересуется транснациональной историей, Второй мировой войной и исламом в Восточной Азии.

ХАЙЮН МА (HAIYUN MA)  
Доцент истории  
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ФРОСТБУРГА  
(FROSTBURG STATE UNIVERSITY)  
ФРОСТБУРГ, МЭРИЛЕНД

doi: 10.35632/ajis.v38i1--2.3399